

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Захарцев С.И.¹, Сальников В.П.², Чумаевская Е.Б.³

Ключевые слова: российская государственность, светское государство, свобода совести, традиционные ценности, государственно-конфессиональные отношения.

Аннотация

Цель: выявить место и пределы участия Русской Православной Церкви в формировании российской государственности на современном этапе в контексте конституционно-правовой модели светского государства.

Метод исследования: формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и историко-правовой анализ.

Результаты исследования: установлено, что Русская Православная Церковь участвует в формировании современной российской государственности преимущественно как институт гражданского общества с высоким историко-культурным и символическим ресурсом, при этом ее взаимодействие с государством допустимо лишь в рамках статей 14, 19 и 28 Конституции РФ и без придания ей статуса государственной религии. Предложена классификация пяти функциональных каналов участия РПЦ в формировании государственности: символично-идентификационного, консультативно-экспертного, социально-партнёрского, образовательно-воспитательного, военно-духовного и культурно-дипломатического, что позволяет анализировать конституционно-правовую природу каждого канала и его значение для соблюдения принципа светскости государства.

DOI: 10.24412/1994-1404-2026-2-206-215

Введение

Проблематика участия Русской Православной Церкви (далее — РПЦ) в формировании российской государственности на современном этапе занимает устойчивое место в конституционно-правовой повестке. С одной стороны, гл. 1 Конституции РФ конституирует Россию как светское государство, исключая тем самым саму возможность придания какой-либо религии статуса официальной. С другой стороны, конституционные поправки 2020 г. прямо ввели в текст Основного закона упоминание о «вере в Бога», «исторической памяти предков» и «традиционных ценностях», тем самым наделив аксиологическое измерение государственности конституционным весом. Последу-

ющие стратегические акты — Стратегия национальной безопасности 2021 г.⁴, Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 г., утвердивший Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵ и Указ Президента РФ № 702 от 19.08.2024 г., определивший

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

¹ **Захарцев Сергей Иванович**, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

² **Сальников Виктор Петрович**, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России, профессор Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: fonduniver@bk.ru

³ **Чумаевская Елизавета Борисовна**, соискатель Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: fedotovaliza0019@gmail.com

направления поддержки лиц, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности⁶ — закрепили эту линию на уровне нормативно-программирования государственной политики.

Именно на стыке этих начал — светскости государства и нормативного признания особой роли традиционных ценностей — возникает главный исследовательский вопрос: в каких пределах участие РПЦ в общественной и государственной жизни совместимо с конституционной моделью светского государства и свободой совести? Этот вопрос не может быть решен ни в логике простого отрицания религиозного фактора, ни в логике его безусловной политизации. Российская модель государственно-конфессиональных отношений после 1993 г. эволюционировала от формулы строгого институционального отделения к модели функционального взаимодействия при сохранении формального запрета государственной религии. Такая трансформация сопровождается как аргументами в пользу общественно полезной роли РПЦ — в сфере социальной помощи, образования, исторической памяти, патриотического воспитания и международного гуманитарного присутствия, — так и аргументами о рисках конфессионализации публичной власти, неравенства религиозных объединений и размывания принципа нейтральности государства⁷ [1].

Следует подчеркнуть, что данная проблематика приобретает особую остроту в 2022—2026 гг., когда понятия государственного суверенитета, цивилизационной идентичности и духовно-нравственного единства нации всё теснее переплетаются в официальном дискурсе⁸ [2—6; 7, с. 21—55; 8, с. 137—154]. Совет при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями сохраняет постоянный характер своей работы⁹; XIII Рождественские парламентские встречи в Государственной Думе (январь 2025 г.)¹⁰ и XXXIII Международные Рождественские образовательные чтения¹¹, которые состоялись 28 января 2025 года с уча-

стием Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, продемонстрировали устойчивость институциональных каналов диалога; государственные и муниципальные органы реализуют программы реставрации и передачи религиозного имущества; сохраняется и развивается религиозное присутствие в армии, системе образования, учреждениях социальной защиты и местах лишения свободы. Всё это делает проблему конституционных пределов взаимодействия государства и церкви не абстрактно-теоретической, а практически актуальной. В этом контексте особый интерес вызывает мнение Святейшего Патриарха Кирилла на собрании духовенства Московской митрополии, которое состоялось 12 февраля 2026 г.¹².

Для понимания современной модели государственно-конфессиональных отношений необходим генетический анализ. Он показывает, что нынешняя правовая конструкция является результатом радикального исторического разрыва, а не эволюционного развития единой традиции.

Конституционно-правовые основы светского государства

Принятие христианства Русью в 988 г. имело системообразующее значение: оно обеспечило древнерусскому государству место в цивилизационном пространстве Европы, заложило основы книжной культуры, создало механизм легитимации княжеской власти через сакральный авторитет. Московский период ознаменовался формированием концепции «симфонии властей», при которой церковная и государственная иерархии, оставаясь институционально различными, взаимно укрепляли друг друга. Синодальная реформа Петра I (1721) фактически вывела церковь из позиции партнёра государства на позицию его духовного ведомства, подчинённого императорской власти, — что представляло собой, по существу, огосударствление религиозного института, а не его отделение.

Советский конституционализм произвёл принципиально иной разрыв: церковь была последовательно вытеснена из публичного пространства, подвергнута административным и уголовным преследованиям, её имущество национализировано. Примечательно, однако, что даже в этот период государство дважды прибегало к православному ресурсу как инструменту мобилизации — в 1941—1945 гг. и в период «оттепели» — когда политическая конъюнктура этого требовала. Это свидетельствует о том, что институциональное подавление религии и её функциональное использование государством могут сосуществовать.

Постсоветский конституционализм 1993 г. создал принципиально новую правовую конструкцию: формальное отделение религиозных объединений от государства при одновременной реабилитации свободы

// Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁶ Указ Президента РФ от 19.08.2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 35. Ст. 6250.

⁷ Кокотов А.Н. Право конституции в российском праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2161–2168.

⁸ Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23–40.

⁹ Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/17> (дата обращения 21.04.2026).

¹⁰ Государственная Дума РФ. XIII Рождественские парламентские встречи, 2025 г. // <http://duma.gov.ru/news/60817> (дата обращения 21.04.2026).

¹¹ Святейший Патриарх Кирилл: В основании нашей культуры лежат традиционные духовные ценности // Официальный сайт Московской городской епархии. URL: <https://moseparh.ru/svyateyshij-patriarh-kirill-v-osnovanii-nashej-kultury-lezhat-tradicionnye-duxovnye-cennosti.html> (дата обращения 21.04.2026).

¹² Православное отношение к ИИ: между тревогой и надеждой. // <https://pravoslavie.ru/174275.html> (дата обращения: 11.04.2026 г.).

вероисповедания. Однако уже в 1997 г. законодатель отступил от строгой нейтральности, признав в преамбуле Федерального закона № 125-ФЗ «особую роль православия» в истории России¹³. Тем самым с самого начала постсоветский правовой порядок обнаружил внутреннее противоречие: декларируя равенство религий и христианских конфессий, он одновременно закрепил их иерархию на уровне законодательного текста [9; 10].

Конституционная модель светскости российского государства формируется не одной нормой, а системой взаимосвязанных положений. Статья 14 устанавливает три самостоятельных компонента: запрет государственной или обязательной религии, организационное отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом. Статья 28 закрепляет свободу совести как субъективное право каждого, включая право не исповедовать никакой религии. В системном единстве с ними статьи 13, 19, 29 и 30 Конституции РФ образуют нормативную основу идеологического и мировоззренческого плюрализма.

Принципиально важно разграничить два смысловых пласта светскости, которые в практике нередко смешиваются. Первый — **организационный**: запрет на наделение религиозных объединений властными полномочиями и на сращивание их структур с государственным аппаратом. Второй — **ценностный**: вопрос о том, вправе ли государство апеллировать к религиозно окрашенным категориям при формулировании публичного интереса.

Из этого следует, что российская модель светскости не тождественна модели вытеснения религии из общественной жизни. Конституция запрещает не религию в публичном пространстве, а ее институциональное превращение в государственную религию и подмену религиозными структурами органов публичной власти. Светскость в конституционном смысле означает организационное отделение религиозных объединений от государства, недопустимость религиозной дискриминации и обязанность государства обеспечивать свободу совести для верующих и неверующих. Такой подход в российской доктрине развивали В.Д. Зорькин, А.Н. Кокотов, О.А. Дворникова и другие ученые-правоведы, подчеркивая, что конституционная нейтральность не равна ценностной пустоте государства и не требует игнорировать культурно-историческую роль религии¹⁴ [11].

Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» остаётся центральным отраслевым актом в рассматриваемой сфере. Его преамбула создаёт нормативную коллизию,

которая до сих пор не разрешена на законодательном уровне: с одной стороны, закрепляется равенство всех религиозных объединений, с другой — прямо признаётся «особая роль православия» в становлении духовности и культуры России. Эта коллизия не является случайной редакционной погрешностью — она отражает осознанный политический компромисс между конституционным принципом равенства и исторически сложившейся асимметрией конфессий.

В последующие годы закон 1997 г. неоднократно изменялся. Поправки к закону 2022 и 2025 гг. усилили два взаимосвязанных вектора: расширение институциональных форм религиозного присутствия в армии, пенитенциарных учреждениях, системе социальной защиты — и одновременное ужесточение административного контроля над деятельностью религиозных организаций, признанных иностранными агентами или осуществляющих деятельность, квалифицированную как угроза конституционному строю. Эта двойственность — расширение для «традиционных» и ограничение для «нетрадиционных» — представляет собой нормативную модель конфессиональной дифференциации, которая де-факто вступает в противоречие с принципом равенства религиозных объединений из ст. 14 Конституции РФ.

Отдельное значение имеет вопрос о «традиционной религии». В российском праве этот термин не имеет универсального легального определения на уровне единого федерального закона. Однако он фактически присутствует в правовой системе через преамбулу Закона № 125-ФЗ, через стратегические документы о традиционных ценностях и национальной безопасности, а также через правоприменительную практику. Доктрина информационной безопасности РФ 2016 г. прямо относит к национальным интересам укрепление нравственных ценностей, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и исторического наследия народов России. Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г. и Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 еще более отчетливо связывают государственную политику с сохранением традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Совокупность этих документов формирует де-факто иерархию конфессий, не получившую, однако, формально-юридического закрепления на законодательном уровне.

С позиций конституционного права данная ситуация создаёт структурную правовую неопределённость. Признание культурно-исторической роли православия само по себе не противоречит ст. 14 Конституции РФ при условии, что оно не трансформируется в реальное институциональное преимущество одной конфессии. Однако размытость критериев «традиционности» открывает пространство для произвольного правоприменения, при котором культурная легитимация конвертируется в административный ресурс. Устранение этой лакуны путём принятия федерального закона о критериях традиционных конфессий и процедурах

¹³ Федеральный закон № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁴ Кокотов А.Н. Право конституции в российском праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2161-2168; Дворникова О.А. Религия и закон: проблемы взаимодействия // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 45-57.

равного доступа к государственным ресурсам представляется насущной законодательной задачей.

Конституционный Суд о границах участия религиозных объединений в государственной жизни

Конституционный Суд Российской Федерации выработал систему правовых позиций, которая задаёт границы допустимого участия религиозных объединений в государственной жизни.

Постановление Конституционного суда от 15.12.2004 № 18-П сформулировало принцип политической нейтральности церкви: религиозное объединение не вправе подменять политическую партию, а создание партий по конфессиональному признаку конституционно недопустимо. Вместе с тем Суд прямо указал, что участие религиозных объединений в общественном диалоге по значимым вопросам жизни страны не только допустимо, но и является реализацией конституционных прав в демократическом обществе. Тем самым Конституционный Суд разграничил политическую монополию (запрещённую) и гражданское участие (защищённое)¹⁵.

Постановление Конституционного суда от 17.11.2020 № 47-П существенно уточнило имущественное измерение государственно-церковных отношений. Суд подтвердил, что организационное отделение церкви от государства не влечёт её исключения из сферы имущественных и культурных правоотношений, в том числе применительно к объектам наследия и памяти. Данная позиция принципиальна: она означает, что государственная поддержка реставрации храмов и возврат религиозного имущества не являются нарушением принципа светскости — при условии, что критерии такой поддержки прозрачны и применяются равно ко всем конфессиям¹⁶.

Совокупность решений Конституционного Суда по вопросам свободы вероисповедания, миссионерской деятельности и регистрации религиозных организаций позволяет реконструировать авторскую концепцию Суда: светскость государства — это запрет на институциональное сращивание, но не запрет на функциональное партнёрство.

Значение имеют и правовые позиции Конституционного Суда по вопросам свободы вероисповедания, миссионерской деятельности, проведения публичных богослужений и правового статуса религиозных организаций. Обобщенные материалы Суда показывают, что российская модель строится на сочетании гарантий свободы совести с допущением ограничений, необходимых для охраны конституционного строя, прав других лиц и общественной безопасности. В научной доктрине можно выделить две основные линии интерпретации. Первая, условно кооперативная, исходит из того, что в условиях культурно-исторической специфики России взаимодействие государства и традиционных конфессий, в том числе РПЦ, допустимо и необходимо для укрепления гражданской солидарности, социальной ответственности и исторической памяти. Вторая, условно либерально-секулярная, акцентирует опасность привилегирования одной конфессии, подмены правового государства цивилизационно-религиозной риторикой и перерастания культурного партнерства в фактическое неравенство религий¹⁷.

Каналы влияния Русской Православной Церкви на российскую государственность в современных условиях

На современном этапе участие РПЦ в формировании российской государственности осуществляется не через прямое осуществление публичной власти, а через совокупность опосредованных каналов: идеологически-ценностный, социально-политический, образовательный, военно-патриотический и международно-гуманитарный. Именно совокупность этих каналов и образует реальное влияние РПЦ на государственность.

Первая и наиболее значимая форма участия состоит в воздействии на государственную идентичность. Формально ст. 13 Конституции РФ запрещает установление государственной или обязательной идеологии. Однако это не исключает существования конституционно значимых ценностей, вокруг которых формируется политико-правовой консенсус. В 2020—2026 гг. официальный государственный дискурс все чаще строится вокруг категорий исторической памяти [12—14], цивилизационной самобытности, служения Отечеству [15], защиты традиционной семьи [16—18], межпоколенческой преемственности и духовно-нравственного единства [19]. Те же категории центральны для официальных церковных документов и публичных выступлений Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» прямо посвящены вопросам

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина». URL: https://main-law.ru/ksrf/18-p_ot_15-12-2004 (дата обращения 22.04.2026).

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2020 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» в связи с жалобой местной религиозной организации Община Православной Церкви Божией Матери Державная города Твери» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011190001?rangeSize=20&index=17> (дата обращения 21.04.2026).

¹⁷ Право на свободу вероисповедания: решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятые в 2018—2022 годах // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: https://www.ksrf.ru/Decision/ExtPos/Documents/Право_на_свободу_вероисповедания.pdf (дата обращения 21.04.2026).

отношения церкви к государству, праву, войне, миру, труду, образованию и общественной морали¹⁸.

В данном контексте РПЦ выступает не как источник государственно-правовой идеологии в формально-юридическом смысле, которой все больше уделяется внимание в отечественной философско-правовой науке [20—24], а как один из крупнейших производителей символического языка государственности. Через литургическую память, церковные праздники, деятельность Всемирного русского народного собора, публичные выступления Патриарха, участие в памятных и государственных мероприятиях церковь влияет на содержание таких понятий, как «Отечество», «народное единство», «историческая Россия», «святая Русь», «русский мир». Особенно заметно это на материалах Всемирного русского народного собора 2024—2025 гг., где категория «русского мира» формулируется как культурно-историческое и ценностное пространство¹⁹.

В то же время здесь возникает серьезный конституционный вопрос. Когда церковные категории начинают фактически использоваться как универсальный язык государственной идентичности, появляется риск сужения конституционного пространства для граждан иной религиозной принадлежности или светского мировоззрения. Если понятие политической лояльности будет связываться с принадлежностью к конкретной религиозно-культурной традиции, то это вступит в противоречие ст. 19 Конституции РФ о равенстве прав и свобод независимо от отношения к религии.

Вторая форма участия РПЦ связана с консультативным и экспертным присутствием в системе публичной власти. В России не существует конституционно признанного представительства духовенства в парламенте как особой корпорации. Более того, из правовой позиции Конституционного Суда РФ вытекает недопустимость институционального сращивания религиозных объединений с партийной системой. Однако это не исключает регулярного участия представителей РПЦ в консультативных органах, парламентских слушаниях, общественных советах и экспертных обсуждениях. На федеральном уровне важнейшим институтом является Совет при Президенте РФ по взаимодействию с религиозными объединениями, который является совещательным и консультативным органом и обеспечивает взаимодействие Президента с религиозными объединениями и учет их мнения при подготовке предложений по вопросам, затрагивающим сферу свободы совести и государственно-конфессиональных отношений²⁰.

Парламентский уровень представлен Рождественскими парламентскими встречами, тематическими круглыми столами и иными мероприятиями в Государственной Думе и Совете Федерации. В январе 2025 г. в Государственной Думе прошли XIII Рождественские парламентские встречи с участием Святейшего Патриарха Кирилла. В апреле 2026 года в Москве и Санкт-Петербурге были проведены научно-практические форумы, посвященные взаимодействию Российского государства и РПЦ²¹; при этом конференция «Государство и церковь в истории России» проводилась в Мариинском дворце Санкт-Петербурга, где постоянно работает городское Законодательное Собрание, и в ней принимали участие представители не только государственно-властных структур и научной общественности, но и РПЦ. Наличие таких площадок означает, что РПЦ участвует в обсуждении законотворческой и общественно значимой проблематики как признанный социальный институт. Вместе с тем это участие остается консультативным, а не властным.

Роль РПЦ в социальной государственности реализуется через партнерские проекты в сферах милосердия, помощи семьям, бездомным, беженцам, больным, заключенным, зависимым лицам. Государство, не делегируя церкви властные полномочия, фактически признает ее ресурс как социально значимого актора гражданского общества. Здесь влияние РПЦ на государственность выражается в расширении инфраструктуры социальной солидарности, что соответствует ст. 7 Конституции РФ о социальном государстве.

Третья форма участия — влияние в сфере образования. Российское законодательство не допускает установления обязательного религиозного обучения в государственных школах как конфессиональной катехизации. Вместе с тем государственная образовательная политика допускает изучение религиозных культур в культурологическом формате. Правовую основу составляют обновленные федеральные государственные образовательные стандарты начального и основного общего образования, утвержденные приказами Минпросвещения России № 286 и № 287 от 31.05.2021, а также изменения к ним, внесенные приказом № 569 от 18.07.2022. В рамках предметной области сохраняется курс «Основы религиозных культур и светской этики», включающий модуль «Основы православной культуры».

С конституционно-правовой точки зрения наличие модуля «Основы православной культуры» не наруша-

¹⁸ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Издательство Московской Патриархии, 2018.

¹⁹ Материалы Всемирного русского народного собора 2024—2025 гг. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/118591> (дата обращения 21.04.2026).

²⁰ Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/17>; Постановление Конституционного Суда РФ

от 15.12.2004 № 18-П. URL: https://main-law.ru/ksrf/18-p_ot_15-12-2004 (дата обращения 21.04.2026).

²¹ XVII Международная научная конференция «Государство, Церковь, право: конституционно-правовые, государствоведческие и богословские проблемы». 14–15 апреля 2026 г. г. Москва, Российская Федерация, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия. URL: <http://igpran.ru/konferentsii/programma-meropriyatiy/12360/> (дата обращения 21.04.2026); Государство и церковь в истории России. Программа всероссийской научно-практической конференции. 26 марта 2026 года. Санкт-Петербург, Мариинский дворец / Составители Л.В. Кулешова, А.А. Дорская, Т.И. Розовская. СПб., 2026. 12 с.

ет принцип светскости при соблюдении трех условий: добровольность выбора модуля родителями и обучающимися; преподавание светскими педагогами, а не духовенством; культурологический, а не миссионерский характер содержания. Именно эти параметры позволяют рассматривать присутствие православной тематики в школе как форму знакомства с историко-культурным наследием, а не как навязывание религии.

Четвертая форма участия РПЦ проявляется в военно-патриотической сфере. После 2022 г. она стала особенно заметной. Стратегия национальной безопасности РФ 2021 г. относит защиту традиционных духовно-нравственных ценностей к элементам национальной безопасности, а Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 делает их сохранение предметом государственной политики. На практике РПЦ участвует в духовном окормлении военнослужащих, в деятельности военного духовенства, в церемониях памяти, в работе Главного храма Вооруженных Сил Российской Федерации, а также в дискурсе легитимации патриотического служения²².

С точки зрения государственности данная функция РПЦ двояка. Позитивный аспект состоит в том, что церковь предлагает язык жертвенности, долга, памяти о погибших, милосердия и утешения, который традиционно востребован в ситуации войны и мобилизации общества. В этом смысле РПЦ усиливает моральное измерение государства и способствует консолидации общества. При этом для светского государства остается критически важным, чтобы участие военного духовенства не превращалось в религиозную монополию в армии и не нарушало права военнослужащих иных конфессий и нерелигиозных убеждений.

Пятая форма участия РПЦ касается культурного наследия и международного гуманитарного присутствия. Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ создал правовой механизм передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, находившегося в государственной или муниципальной собственности²³. В сочетании с государственными субсидиями на сохранение объектов культурного наследия это создает институциональную базу для восстановления храмов, монастырей и иных объектов, играющих одновременно религиозную, культурную и мемориальную роль. В результате РПЦ становится значимым участни-

ком политики исторической памяти и символической реконструкции государственности.

Международный аспект проявляется через деятельность Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, участие РПЦ в гуманитарных и межцерковных контактах на пространстве СНГ и ЕАЭС, а также в поддержании культурных связей с соотечественниками за рубежом. Тем самым РПЦ выполняет функцию «мягкой силы» и цивилизационного посредника, дополняя официальную дипломатию России в гуманитарно-культурном измерении²⁴.

Вместе с тем, можно отметить, что в перспективе возможен риск конфессионализации государства при формальном сохранении принципа светскости. Наиболее остро этот риск виден в сфере бюджетной поддержки. Государство вправе финансировать сохранение объектов культурного наследия, даже если они одновременно являются религиозными объектами, поскольку речь идет о защите историко-культурного наследия, а не о финансировании культа как такового. Именно поэтому допустимы субсидии на реставрацию храмов — при условии равенства критериев и прозрачности процедур. Аналогично законна передача имущества религиозного назначения в порядке Закона № 327-ФЗ. Но если имущественная поддержка превращается в непрозрачную систему преимуществ только для одной конфессии, возникает вопрос о нарушении принципов ст.ст. 14, 19 Конституции РФ.

Механизмы контроля над соблюдением баланса интересов включают судебный контроль, прокурорский надзор, деятельность Минюста России при регистрации и мониторинге религиозных организаций, а главное — правовые позиции Конституционного Суда РФ. Именно Конституционный Суд выстраивает рамку, в которой светскость трактуется как запрет на государственную религию и религиозно-партийную монополию, но не как запрет на сотрудничество государства с религиозными объединениями. Проблема состоит в том, что эта рамка носит во многом оценочный характер; следовательно, многое зависит от качества текущего правоприменения.

Роль РПЦ в формировании российской государственности на современном этапе носит сложный, многослойный и юридически неоднозначный характер. С одной стороны, РПЦ действительно выступает одним из крупнейших институтов исторической памяти, культурной преемственности, моральной интеграции общества и социальной солидарности. Через участие в благотворительности, восстановлении объектов культурного наследия, образовательных и военно-патриотических практиках, консультативных механизмах при органах власти и международных гуманитарных контактах РПЦ влияет на символический и социальный контур государственности. В этом

²² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

²³ Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (с изменениями и дополнениями) // Официальный сайт Президента России. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32204> (дата обращения 21.04.2026).

²⁴ Материалы Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата 2025—2026 гг. // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <https://mospat.ru/ru/> (дата обращения 21.04.2026).

смысле ее воздействие на современное российское государство нельзя свести к религиозной сфере в узком значении.

С другой стороны, позитивный потенциал такого влияния сопровождается конституционно-правовыми рисками. Главный из них состоит в возможном дрейфе от модели светского кооперативного государства к модели фактической конфессиональной асимметрии. Действующая на сегодняшний день Конституция РФ не допускает государственной религии, обязательной идеологии и неравенства религиозных объединений. Поэтому любое расширение сотрудничества государства и РПЦ должно оцениваться через призму ст.ст. 14, 19 и 28 Конституции РФ, а также через правовые позиции Конституционного Суда РФ.

Заключение

На современном этапе представляется обобщенным вывод о том, что РПЦ является не субъектом публичной власти, а одним из влиятельных институтов гражданского общества с повышенным историко-культурным и символическим ресурсом. Именно в этом качестве она участвует в формировании государственности. Такая квалификация позволяет избежать двух крайностей: как представления о полной приватизации религии, не соответствующего российской историко-правовой реальности, так и идеи о квазигосударственном статусе РПЦ, противоречащей Конституции РФ.

Итак, РПЦ в современной России играет значимую, но не безусловную роль в формировании государственности. Ее участие может способствовать укреплению социальной солидарности, исторической памяти и культурной идентичности. Однако конституционная легитимность такого участия зависит от соблюдения меры: РПЦ не должна превращаться в институт государственной религии де-факто, а государство — в конфессионально окрашенную систему публичной власти. Сохранение этой меры и составляет центральную задачу российского конституционного права в рассматриваемой сфере.

Для решения этой задачи в теоретическом аспекте следует осуществить разработку и верификацию концепции конституционной архитектуры светскости как многоуровневой нормативной конструкции, включающей два самостоятельных пласта — организационный и ценностный, разграничение которых имеет принципиальное значение для оценки конституционной допустимости государственно-конфессионального взаимодействия. Данное разграничение позволяет преодолеть устойчивую ошибку отождествления организационной нейтральности государства, являющейся безусловным конституционным требованием, с ценностной нейтральностью, которая Конституцией РФ не предписывается. В таком случае можно сделать вывод о том,

что РПЦ занимает в системе российской государственности положение привилегированного института гражданского общества с функциями символического производства государственности — характеристика, которая точнее существующих категорий отражает её конституционно-правовое положение и не сводится ни к образу «частной религиозной организации», ни к образу «квазигосударственного института».

Следует также выделить несколько функциональных каналов участия РПЦ в формировании государственности: символично-идентификационного, консультативно-экспертного, социально-партнёрского, образовательно-воспитательного, военно-духовного, а также культурно-дипломатического. В отличие от существующих типологий, предложенная классификация разграничивает каналы не по сферам общественной жизни, а по их конституционно-правовой природе и степени риска для принципа светскости, что придаёт ей аналитическую операциональность. В тесной связи с этой классификацией может быть разработана типология четырёх конституционных рисков современной модели — символической монополизации, процедурной непрозрачности, образовательной конфессионализации и конфессиональной асимметрии в публичных институтах, — позволяющая диагностировать фактическую конфессионализацию публичной власти в отсутствие формального провозглашения государственной религии. Указанный инструментальный задел заполнит реальный пробел в российской конституционно-правовой доктрине: до настоящего времени понятие «фактической государственной религии» не получало операционализации в научной литературе.

Достигнутый научный эффект будет иметь несколько взаимосвязанных результатов. Во-первых, будет преодолена теоретическая дихотомия между «кооперативным» и «либерально-секулярным» подходами к оценке государственно-конфессиональных отношений: вместо выбора между полюсами должна быть предложена аналитическая рамка, в которой совместимость взаимодействия государства и церкви с принципом светскости определяется через оценку соответствия каждого конкретного канала конституционным ограничителям — ст.ст. 14, 19 и 28 Конституции РФ. Во-вторых, будет актуализирован сравнительно-правовой анализ с учётом нормативных изменений 2020—2026 годов, существенно изменивших конституционный контекст по сравнению с периодом, отражённым в большинстве ранее опубликованных исследований. В-третьих, будет расширена предметная область конституционно-правового изучения государственно-конфессиональных отношений: военно-духовный и культурно-дипломатический каналы влияния РПЦ должны быть выделены в качестве самостоятельных объектов конституционно-правового анализа, тогда как прежде они рассматривались преимущественно в контексте иных правовых дисциплин.

Литература

1. Овчинников А.И., Нефедовский Г.В. Взаимоотношения церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 23—37.
2. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М.Ю. Гутман, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 423 с. (Научная мысль).
3. Виноградова Е.В., Раттур М.В. Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 22—24.
4. Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Гуманитарные науки как элемент российской идентичности // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 6. С. 11—20.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия права России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности: монография. СПб. : Фонд «Университет», 2025. 552 с.
6. Добро, доверие, справедливость, свобода в философско-правовой мысли: античность и современность: Монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, И.Н. Грибов [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 459 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2151906.
7. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е.В. Виноградова, А.О. Воробьев, М.Ю. Гутман [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИНФРА-М, 2025. 418 с. (Научная мысль). DOI 10.12737/2152004
8. Захарцев С.И., Сальников В.П., Гасумянов В.И. Право в XXII веке: монография. М. : Юрлитинформ, 2024. 264 с.
9. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М. : Славянский диалог, 2000. 655 с.
10. Шахов М.О., Шутова О.С. Государственно-конфессиональные отношения: анализ типологий и «силовая модель» // Полития. 2003. № 3. С. 158—178.
11. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография М. : Норма, 2019. 448 с.
12. Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. № 4. С. 5—11.
13. Лясович Т.Г. Историческая правда и особенности ее защиты в современных условиях / Т.Г. Лясович, Н.А. Кириллова // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 26 марта 2025 г.) / Под науч. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, Фонд «Университет», 2025. С. 483—488. В кн. 634 с. (Серия: 80 лет нашей Победы в Великой Отечественной войне).
14. Сазин С.Т. Защита исторической правды о фактах нацистских злодеяний в Ленинградской области. СПб. : Юридический центр, 2025. 136 с.
15. Крижановская Г.Н. Служение отечеству: взаимодействие власти и общества в условиях военных конфликтов // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 3. С. 54—67.
16. Ананских И.А., Уткин Н.И. Семья как нравственно-правовая ценность российского общества // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 10. С. 12—15.
17. Прокофьев К.Г. Институт семьи в системе ценностного консенсуса российского общества: нравственный и правовой аспекты // Теория государства и права. 2024. № 1. С. 225—233. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_22
18. Морозов А.И., Прокофьев К.Г., Сергеева А.Ю. Институт семьи как нравственно-правовая ценность (к вопросу о суверенной правовой идеологии как основании семейного права Российской Федерации) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 12. С. 107—114.
19. Заметина Т.В. Конституционно-правовые основы обеспечения единства народов России как традиционной духовно-нравственной ценности / Т.В. Заметина // Россия: общество, политика, история. 2023. № 3 (8). С. 136—154. DOI 10.56654/ROPI-2023—3 (8)-136—154. EDNBIECW.
20. Комиссаров М.А. Сущность и предназначение государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2025. № 2-1 (44). С. 135—150. DOI 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_135. EDNQREXGV.
21. Хабибулин А.Г. Идеология как фактор политической субъектности государства // Теория государства и права. 2024. № 1. С. 251—258. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_251
22. Лазарев В.В. Конституция и аксиология государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 1. С. 36—46.
23. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149—162.
24. Хабибулин А.Г. Государственная идеология как основа суверенности современной России // Теория государства и права. 2024. № 3-2 (40). С. 200—204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3-2_40_200.

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE FORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD IN THE CURRENT PERIOD: A CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS

Zakhartsev S.I.²⁵, Salnikov V.P.²⁶, Chumaevskaya E.B.²⁷

Keywords: Russian statehood, secular state, freedom of conscience, traditional values, state-confessional relations.

Abstract

Objective: To identify the place and scope of the Russian Orthodox Church's participation in the formation of Russian statehood in the current period within the context of the constitutional and legal model of a secular state.

Research method: formal-legal, systemic, comparative-legal, and historical-legal analysis.

Research results: It was established that the Russian Orthodox Church participates in the formation of modern Russian statehood primarily as a civil society institution with significant historical, cultural, and symbolic resources. Its interaction with the state is permissible only within the framework of Articles 14, 19, and 28 of the Constitution of the Russian Federation, and without granting it the status of state religion. A classification of five functional channels of the Russian Orthodox Church's participation in the formation of statehood was developed: symbolic-identification, advisory-expert, social-partnership, educational-training, military-spiritual, and cultural-diplomatic. This allows for an analysis of the constitutional and legal nature of each channel and the degree of risk to the principle of secularism.

References

1. Ovchinnikov A.I., Nefedovskii G.V. Vzaimootnosheniia tserkvi i gosudarstva v svete konstitutsionnoi popravki s upominaniem o "vere v Boga" // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2020. No. 5. S. 23—37.
2. Politiko-pravovoe upravlenie i ugrozy suverenitetu gosudarstva : monografiia / M.Iu. Gutman, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina [i dr.]; pod obshch. red. d-ra iurid. nauk, prof. V.P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2025. 423 s. (Nauchnaia mysl').
3. Vinogradova E.V., Rattur M.V. Obshcherossiiskaia identichnost' kak konstitutsionnaia tsennost' v konstitutsionnykh popravkakh 2020 goda // Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika. 2020. No. 3 (183). S. 22—24.
4. Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Gumanitarnye nauki kak element rossiiskoi identichnosti // Iuridicheskai nauka: istoriia i sovremennost'. 2022. No. 6. S. 11—20.
5. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Filosofii prava Rossii: teoreticheskie i dukhovnye predposylki ee suverennosti : monografiia. SPb. : Fond "Universitet", 2025. 552 s.
6. Dobro, doverie, spravedlivost', svoboda v filosofsko-pravovoi mysli: antichnost' i sovremennost' : monografiia / E.V. Vinogradova, A.O. Vorob'ev, I.N. Gribov [i dr.]; pod obshch. red. d-ra iurid. nauk, prof. V.P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2025. 459 s. (Nauchnaia mysl'). DOI 10.12737/2151906.
7. Filosofsko-pravovoe poznanie: aktual'nye problemy : monografiia / E.V. Vinogradova, A.O. Vorob'ev, M.Iu. Gutman [i dr.]; pod obshch. red. d-ra iurid. nauk, prof. V.P. Sal'nikova. 2-e izd., ispr. i dop. M. : INFRA-M, 2025. 418 s. (Nauchnaia mysl'). DOI 10.12737/2152004
8. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P., Gasumianov V.I. Pravo v XXII veke : monografiia. M. : Iurlitinform, 2024. 264 s.
9. Abdulatipov R.G. Natsional'nyi vopros i gosudarstvennoe obustroistvo Rossii. M. : Slavianskii dialog, 2000. 655 s.

²⁵ **Sergey I. Zakhartsev**, Dr.Sc. (Law), Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

²⁶ **Viktor P. Salnikov**, Dr.Sc. (Law), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor, Order of Zhukov Military Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.
E-mail: fonduniver@bk.ru

²⁷ **Elizaveta B. Chumaevskaya**, external Ph.D. student, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: fedotovaliza0019@gmail.com

10. Shakhov M.O., Shutova O.S. Gosudarstvenno-konfessional'nye otnosheniia: analiz tipologii i "silovaia model'" // *Politiia*. 2003. No. 3. S. 158—178.
11. Zor'kin V.D. Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii : monografiia M. : Norma, 2019. 448 s.
12. Astafichev P.A. Obespechenie zashchity istoricheskoi pravdy kak novyi printsip v konstitutsionnom prave sovremennoi Rossii // *Pravoprimerenie*. 2020. No. 4. S. 5—11.
13. Liasovich T.G. Istorieskaia pravda i osobennosti ee zashchity v sovremennykh usloviakh / T.G. Liasovich, N.A. Kirillova // *Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 g.)* / Pod nauch. red. V.P. Sal'nikova. SPb. : Voennaia ordena Zhukova akademiia voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii, Fond "Universitet", 2025. S. 483—488. V kn. 634 s. (Seriia: 80 let nashei Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine).
14. Sazin S.T. Zashchita istoricheskoi pravdy o faktakh natsistskikh zlodeianii v Leningradskoi oblasti. SPb. : Iuridicheskii tsentr, 2025. 136 s.
15. Krizhanovskaia G.N. Sluzhenie otechestvu: vzaimodeistvie vlasti i obshchestva v usloviakh voennykh konfliktov // *Vestnik Voennoi akademii voisk natsional'noi gvardii*. 2025. No. 3. S. 54—67.
16. Ananskikh I.A., Utkin N.I. Sem'ia kak npravstvenno-pravovaia tsennost' rossiiskogo obshchestva // *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*. 2023. No. 10. S. 12—15.
17. Prokof'ev K.G. Institut sem'i v sisteme tsennostnogo konsensusa rossiiskogo obshchestva: npravstvennyi i pravovoi aspekty // *Teoriia gosudarstva i prava*. 2024. No. 1. S. 225—233. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_22
18. Morozov A.I., Prokof'ev K.G., Sergeeva A.Iu. Institut sem'i kak npravstvenno-pravovaia tsennost' (k voprosu o suverennoi pravovoi ideologii kak osnovanii semeinogo prava Rossiiskoi Federatsii) // *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*. 2019. No. 12. S. 107—114.
19. Zametina T.V. Konstitutsionno-pravovye osnovy obespecheniia edinstva narodov Rossii kak traditsionnoi dukhovno-npravstvennoi tsennosti / T.V. Zametina // *Rossiia: obshchestvo, politika, istoriia*. 2023. No. 3 (8). S. 136—154. DOI 10.56654/ROPI-2023-3 (8)-136-154. EDNBIECWP.
20. Komissarov M.A. Sushchnost' i prednaznachenie gosudarstvenno-pravovoi ideologii // *Teoriia gosudarstva i prava*. 2025. No. 2-1 (44). S. 135—150. DOI 10.47905/MATGIP_2025_2-1_44_135. EDNQREXGV.
21. Khabibulin A.G. Ideologiiia kak faktor politicheskoi sub"ektnosti gosudarstva // *Teoriia gosudarstva i prava*. 2024. No. 1. S. 251—258. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_1_35_251
22. Lazarev V.V. Konstitutsiia i aksiologiiia gosudarstvenno-pravovoi ideologii // *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*. 2021. No. 1. S. 36—46.
23. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I., Morozov A.I. Tsennostnoe osnovanie suvereniteta (k voprosu o suverennoi gosudarstvenno-pravovoi ideologii) // *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'*. 2019. No. 11. S. 149—162.
24. Khabibulin A.G. Gosudarstvennaia ideologiiia kak osnova suverennosti sovremennoi Rossii // *Teoriia gosudarstva i prava*. 2024. No. 3-2 (40). S. 200—204. DOI 10.25839/ MATGIP_2024_3-2_40_200.

